

Ждать чего-то хорошего от армейской стрижки не приходилось.

После обеда Шэн Синъюань выстроил парней из первого отделения в очередь. Инструменты у политического инструктора были незатейливыми: простая расческа да старая ручная машинка.

Какая бы шевелюра ни красовалась на твоей голове на гражданке, после безжалостных трудов политического инструктора каждый новобранец становился похож на гладко опаленную свиную тушку. На черепе оставался лишь тончайший слой сизого ежика. Зато чисто и гигиенично.

Первым на табурет усадили Юй Вэя. Глядя, как на пол послушно сыплются целые пряди, он не удержался от жалобы:

— Товарищ политический инструктор, да вы бы меня сразу под ноль обрили, чего мучиться-то!

— Думаешь, мне в радость с тобой возиться? — хмыкнул тот, не прерывая работы. — Устав не велит.

Закончив, Юй Вэй пощупал макушку и зябко повел плечами.

— Ладно тебе, через пару месяцев отрастет. Чего гладишь? — политический инструктор сдул состриженные волосы с лезвий машинки и скомандовал: — Следующий!

Инструмент вновь защелкал, и конвейер заработал без сбоев. Из-под уверенной руки один за другим выходили свежестриженные бойцы.

Синъюань, наблюдая за процессом со стороны, обреченно вздохнул.

«Похоже, и мне этой участи не избежать»

— Что, трусил? — негромко поддел его стоявший впереди Хань Жуй.

— А сам-то? — Синъюань мимоходом взъерошил еще уцелевшую шевелюру товарища. — Твоя прическа куда круче моей была. А сейчас как пройдутся этой адской машинкой...

— И что с того? — Хань Жуй равнодушно пожал плечами. — В этой глуши одни мужики кругом, красоваться все равно не перед кем. Хоть налысо обрейся — никто и не заметит.

— Тут ты прав, — согласился Синьюань.

За полтора месяца в роте новобранцев они действительно не встретили ни одной живой души женского пола — даже комары тут, казалось, были исключительно призывного возраста.

Вскоре подошла очередь Хань Жуя. Он ровно уселся на табурет, позволил повязать себе на шею простыню и замер.

— А парень-то видный, — одобрительно хмыкнул политический инструктор, оценивающе окинув его взглядом.

— У вас отличный глаз, товарищ политический инструктор! — вставил свои пять копеек уже обритый Ян Сяоху. — Хань Жуй у нас в отделении вообще первый красавец!

— Красота к пайку не полагается, — резонно заметил политический инструктор, скользнув взглядом по остальным парням. — Но статность в нем видна, этого не отнимешь.

Шэн Синьюань почувствовал на себе его пристальный взор и недоуменно огляделся по сторонам.

— Брат Шэн, ты чего вертишься? — негромко пихнул его локтем Юй Вэй. — Тебя же хвалят!

— Да ладно вам, куда мне до Хань Жуя, — смущенно кашлянул Синьюань.

— Командир отделения, излишняя скромность — это та же гордыня, — хмыкнул Лянь Чжигу.

— Болтайте больше, — проворчал Синьюань, чувствуя, как к щекам приливает тепло.

— Ну так что, красавчик? — весело спросил политический инструктор, пока машинка с тихим жужжанием срезала темные пряди с головы Хань Жуя. — Какой номер приготовил для праздничного концерта?

— Никакого, — коротко ответил тот.

— Как это никакого? — притворно возмущился политический инструктор. — С такой внешностью на сцене блистать надо, грех прятаться!

— А-а-а, — протянул Ян Сяоху. — Так Хань Жую, получается, доверили торговать лицом перед всей ротой!

Синьюань не выдержал и прыснул со смеху.

Хань Жуй одарил его испепеляющим взглядом.

Остриженные под копирку бойцы первого отделения подхватили свои тазы и потянулись в баню. Синъюань, шагая чуть позади, тихо извинился:

— Прости, друг. Не сдержался.

— Завтра на сцену выйдем вместе, — холодно процедил Хань Жуй. — Это не обсуждается.

— Да я же петь не умею, танцевать тоже! — взмолился Синъюань.

— Зато у тебя в тумбочке лежит губная гармошка. Я видел.

— Ну у тебя и глаз-алмаз, — покачал головой поверженный командир отделения.

Хань Жуй лишь многозначительно хмыкнул и первым шагнул в душевую.

Армейская баня мало чем отличалась от обычного общественного помывочного пункта: раздевалка на входе и просторное помещение с рядами душевых рожков вдоль выложенных плиткой стен.

Поскольку они подзадержались, свободным остался всего один шкафчик для одежды.

— Придется потесниться, — Хань Жуй без лишних разговоров принялся расстегивать пуговицы.

Синъюань спорить не стал. После ежедневных тренировок по сигналу «Подъем!» скорость его разоблачения могла поспорить с нормативами спецназа.

Накинув на шею полотенце и зажав в руке брусок мыла, полностью раздетый Хань Жуй зябко переступил с ноги на ногу:

— Давай быстрее! Сквозняк тут жуткий, окоченеть можно.

— Да не гони ты коней, — рассмеялся Синъюань, расстегивая ремень.

— Сам знаешь, как редко в роте новобранцев удастся нормально помыться. А после вчерашней тактической подготовки я весь липкий, — Хань Жуй ухватил успевшего раздеться друга за плечо и потянул за собой: — Шевелись!

— Эй, пусти, полотенце забуду! — Синъюань вцепился свободной рукой в дверцу шкафчика. — Горячая вода никуда не сбежит, дай мне ровно три секунды!

— Жду, — Хань Жуй потер ладонями плечи, прогоняя легкую дрожь.

Синъюань захлопнул дверцу и шутливым жестом коснулся плеча Хань Жуя.

— Ого, да ты действительно весь покрылся пупырышками!

— Вот и не тяни кота за хвост. С меня хватит прошлого раза, валяться снова с температурой я не намерен, — с этими словами Хань Жуй скрылся за дверью душевой.

Синъюань пошел следом. Взгляд его невольно скользнул по подтянутой фигуре друга: широкие плечи, плавно переходящие в узкую талию, упругие ягодицы и сильные, сухие ноги с четко очерченными мышцами.

«А Хань Жуй чертовски хорошо сложен»

Отрицать очевидное было глупо: даже будучи мужчиной, он не мог не оценить столь безупречные пропорции.

— Командир отделения, давай сюда! — крикнул из клубов пара Юй Вэй. — Вода — чистый кайф, забирайся скорее!

Встряхнув головой, Синъюань осмотрелся. Свободным оставался лишь один рожок — как раз по соседству с Хань Жуем.

— Только не этот! — Хань Жуй преградил ему дорогу рукой. — Там вентиль заклинило, хлещет один кипяток. Шкуру в один миг спустишь.

Синъюань застыл на месте. Ну и везение, неужели нормального места не нашлось?

— Думаешь, шучу? Вон, глянь на руку, — Хань Жуй показал покрасневшее предплечье. — Только что ошпарился.

Синъюань с опаской покосился на злополучный кран.

— Вставай под мой, места хватит, — Хань Жуй подвинулся ближе к стене и принялся усердно намыливать плечи жесткой мочалкой. — Заодно потом друг другу спины потрем.

— Ладно, давай, — Синъюань шагнул под упругие струи. Горячая вода хлынула на макушку,

побежала по плечам, спине, смывая накопленную за неделю усталость. Он невольно зажмурился и шумно выдохнул от блаженства.

— Кайфуешь? — усмехнулся Хань Жуй.

— Еще бы, — Синъюань зачерпнул горсть пены и принялся намыливать уцелевший ежик волос.

— Ни хрена себе, Чжиго! Ну и прибор у тебя! — зычно заорал на всю душевую Ян Сяоху.

Десятки пар глаз мгновенно уставились в одну точку.

Лянь Чжиго хоть и гордился своими мужскими достоинствами, устраивать публичную демонстрацию явно не планировал. Он поспешно прикрылся ладонями и раздраженно шикнул на крикуна:

— Чего вылупились?! Сяоху, рот закрой, придурок!

— Да ладно тебе, Чжиго, не жадничай, дай заценить! — с ухмылкой подлетел к нему Юй Вэй.

Чжиго упрямо отвернулся к стене, намертво зажав пах руками.

— Э-э... мне тоже интересно, — проямлил обычно тихий и скромный Чжан Шуай, застенчиво пристраиваясь за спиной Юй Вэя.

— Да твою мать! — не выдержал Лянь Чжиго, резко разворачиваясь к ним лицом. — У вас все то же самое болтается! Нашли диковинку! Ну нате, смотрите, полегчало?

Юй Вэй придиристо оглядел чужое хозяйство, затем опустил взгляд на свое собственное, тяжело вздохнул и уныло поплелся обратно к своему душу.

Чжан Шуай потер переносицу и молча юркнул на свое место.

— Серьезно, что ли? — Хань Жуй с интересом прислушался к шуму и пихнул локтем Синъюаня.
— Сходишь глянешь?

— Тебе делать нечего? — Синъюань продолжал смывать пену с лица. И тут Хань Жуй шутливо щелкнул его пальцами пониже живота:

— Ого, командир отделения, да у тебя тут целое орудие главного калибра. Внушает уважение.

Синъюань вздрогнул и торопливо отвернулся, пряча смущение.

— Ты чего творишь?

— Да так, провожу инспекцию вооружения, — невинно отозвался Хань Жуй.

Синъюань невольно усмехнулся.

— Нашел что инспектировать.

Но взгляд его предательски скользнул вниз. Что греха таить, при всей атлетичности Хань Жуя, в этом деликатном вопросе Синъюань мысленно сопоставил масштабы и с удовлетворением отметил, что пальма первенства все-таки осталась за ним.

«Впрочем, жаловаться мне точно не на что»

Мужское самолюбие — штука тонкая. На словах всем наплевать, но в глубине души каждый ревностно следит за своими показателями. Тем более в казарме, где тестостерон зашкаливает, а дух соперничества сквозит в любой мелочи.

По уязвленному взгляду Хань Жуя было очевидно: тот тоже все прекрасно понял. Едва сдерживая смех, Синъюань с самым серьезным видом спросил:

— Спину потереть?

Хань Жуй хмуро зыркнул на него и без лишних слов швырнул ему жесткую мочалку.

Кожа у Хань Жуя была на удивление светлой, и Синъюань даже замялся, боясь переусердствовать.

— Ты посильнее любишь или полегче?

— Ты меня гладить собрался или мыться? — Хань Жуй уперся ладонями в скользкий кафель и наклонился вперед.

Поза показалась Синъюаню двусмысленной, но, оглядевшись по сторонам, он заметил, что так стоят абсолютно все. Пришлось мысленно дать себе по лбу за глупые ассоциации.

— Ладно, тогда держись. Если будет больно — ори.

— Валяй, — буркнул Хань Жуй.

Синъюань нажал посильнее. Под его ладонью широкая спина друга быстро начала наливаться багровым румянцем.

— Ну как, терпимо? — поинтересовался он.

— Нормально, — отозвался Хань Жуй, даже не шелохнувшись.

Глядя на то, как на белой коже проступают яркие алые полосы, Синъюань забеспокоился:

— Слышь, а у тебя кожа не слишком нежная для десантника?

Хань Жуй резко выпрямился и недовольно зыркнул через плечо:

— За языком следи! Нежная кожа только у девиц бывает!

— Осознал, виноват, — примирительно улыбнулся Синъюань и легонько ущипнул его за предплечье.

«И все-таки кожа у него чистая, гладкая. Ишь, упирается еще, гордец»

Хань Жуй отобрал мочалку.

— Становись давай, теперь моя очередь мстить.

Синъюань послушно уперся руками в стену.

— Три на совесть, не жалея сил!

Хань Жуй скромничать не стал. С первым же его движением Синъюаню показалось, что с него живьем сдирают шкуру.

На спине судорожно сжались мышцы, но Синъюань лишь плотнее стиснул зубы, твердо решив не издать ни звука.

— Что, больно? — ехидно поинтересовался Хань Жуй.

— Ерунда, три дальше, — выдавил Синъюань.

Хань Жуй с удвоенным рвением продолжил экзекуцию. Синъюань стоял, уткнувшись лбом в прохладную стену, и мысленно проклинал свою разговорчивость. Он был абсолютно уверен: этот мерзавец просто сводит счеты.

К концу процедуры спина Синъюаня горела так, словно его отхлестали крапивой. Сам он этого, разумеется, не видел, пока на всю баню не раздался испуганный вопль Юй Вэя:

— Командир! Ты чего с собой сотворил? Там же живого места нет, кожу до мяса содрал!

— Да уж, — покачал головой подошедший Ян Сяоху. — Мы, конечно, за неделю изгваздались как черти, но устраивать самобичевание — это перебор, товарищ командир отделения.

Синъюань лишь криво усмехнулся.

«Ага, сам я себя так уделал, как же»

Хань Жуй тем временем преспокойно стоял под струями воды, усердно смывая пену и делая вид, что весь этот разговор его совершенно не касается.

Когда они наконец вышли из бани на свежий воздух, Синъюань почувствовал себя заново родившимся на свет.

Новобранцы в свежевыстиранном обмундировании, щеголяя абсолютно одинаковыми сизыми ежиками на головах, выглядели на удивление подтянутыми и посвежевшими.

Синъюань подошел к зеркалу поправить воротничок. На него взглянуло нечто с самой нелепой стрижкой, которую он когда-либо носил.

«Если бы меня сейчас увидел кто-то из домашних, со смеху бы померли»

— Хватит любоваться, истинную мужскую красоту никакой прической не испортишь, — раздался за плечом насмешливый голос Хань Жуя.

Сам он уже успел одеться и застегнуться на все пуговицы. Короткая стрижка подчеркнула точеные скулы и волевой подбородок, придав его лицу жесткое, истинно армейское выражение. Ему этот аскетичный образ определенно шел.

— Да уж, твою породу под ноль не сострижешь, — серьезно кивнул Синъюань.

Хань Жуй одарил его очередным колким взглядом и резким движением нахлобучил на голову кепку.

— Командир отделения, ну когда уже разрешат домой позвонить? — тоскливо вздохнул Лянь Чжиги, не отрывая взгляда от окна.

— Да не суетись ты, — осадил его Синъюань. — Присядь и жди команды.

— Как тут не суетиться, — проворчал Чжиги. — Мы здесь уже сколько времени, а я матери еще ни разу весточки не подал.

— Понимаю, — Синъюань дружески похлопал его по плечу. — Еще немного потерпи. Скоро командир взвода придет.

— Эх... — протянул тот, продолжая караулить двор.

Сумерки только начали сгущаться, когда в проеме двери наконец показался командир взвода.

— Выходи строиться! Быстро!

Лянь Чжиги сорвался с места пулей.

Синъюань с улыбкой покачал головой и скомандовал остальным строиться.

Хань Жуй, однако, не спешил. Он придержал Синъюаня за рукав у самого выхода.

— Командир.

— Что случилось? — Синъюань обернулся, его лицо все еще светилось радостью от предстоящего разговора с родными.

— Можно мне остаться в казарме?

— То есть? — Синъюань мгновенно посерьезнел. — Почему это ты не пойдешь?

— Мне некому звонить, — тихо, почти неслышно обронил Хань Жуй.

— Живее там! Кого ждем?! — на улице нетерпеливо заливался свисток командира взвода.

— Потом разберемся, пошли, — Синъюань крепко сжал его плечо и настойчиво вытолкнул в коридор, встраивая в общую шеренгу.

Шумная, воодушевленная толпа новобранцев зашагала по плацу в направлении канцелярии роты.

Синъюань пристроился в затылок Хань Жую. Слова друга не выходили у него из головы.

«Как это — некому звонить? А родители? Семья?»

Он недоуменно гипнотизировал взглядом его аккуратно выстриженный затылок.

У дверей канцелярии уже образовалась очередь. Первые счастливики скрылись внутри, остальные нетерпеливо переминались с ноги на ногу в коридоре.

Вокруг вовсю гудел возбужденный шепот. Воспользовавшись суматохой, Синъюань слегка коснулся плеча Хань Жуя и негромко спросил:

— Так что за дела, Хань Жуй? Объясни толком.

— Да ничего особенного, — Хань Жуй выдавил подобие улыбки и безразлично передернул плечами.

— Хватит юлить, — нажал Синъюань. — Неужели родителям звонить не будешь? Такая возможность выпадает раз в сто лет. Хоть пару слов скажи.

— У меня нет дома, — Хань Жуй отвернулся, сосредоточенно изучая облупившуюся штукатурку на стене, будто пытался разглядеть на ней тайные знаки.

— В смысле — нет? — опешил Синъюань.

— В прямом. Давай закроем тему, ладно?

По глухому голосу было понятно: за этими простыми словами кроется какая-то глубокая личная драма. Синъюань вовремя прикусил язык, решив не лезть в душу.

— Но ведь есть хоть кто-то? Родня, друзья по школе, одноклассники...

— Кому я нужен? — Хань Жуй грустно покачал головой. — Праздники на носу, у всех свои заботы. Обо мне и не вспомнит никто.

Синъюаню не нашлось что ответить. Он молча притянул друга к себе и крепко сжал его плечо, стараясь без лишних слов передать всю свою поддержку.

<http://bllate.org/book/18240/1752113>